

УДК 82-3

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИТЕРАТУРНО-ФОЛЬКЛОРНЫХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ

*К.М. Миннуллин, доктор филологических наук, профессор; Ф.И. Урманчиев,
доктор филологических наук, профессор*

Начиная со второй половины 80-х годов XX века общественно-политическая жизнь и каждодневный быт татарского народа, так же, как и других народов России, довольно резко меняются. Правда, однако, и то, что пока никто не может более или менее определенно сказать: в каком направлении идут эти изменения, т.н. перестройка жизни – в лучшую или худшую сторону? И каких сторон действительности они касаются? С годами общество находит весьма убедительные ответы и на эти, достаточно острые вопросы. Известно, что неотвратимым законом истории является закон неуклонного прогрессивного развития человечества. История не может развиваться «в обратном направлении». В то же время в исторические периоды перехода общества из одного – привычно-традиционного состояния в качественно новое на первый план выступают острые противоречия, которые могут быть преодолены одним из двух путей: революционным или эволюционным. Под давлением господствующей элиты общества Россия избрала эволюционный путь развития, который растянулся на целые десятилетия и потребовал ничуть не меньше жертв и потрясений, чем любая революция. Началась эпоха т.н. «перестройки», хотя, как отмечалось, никто и не знал и не предполагал, что и как надо «перестраивать». Самым легким сочли путь полного отрицания всех достижений советской эпохи в любой

отрасли жизни. В литературе, особенно в прозе, это выразилось в создании большого количества романов, повестей и рассказов, направленных на разоблачение культа личности Сталина, на беспощадную критику и отрицание всей прежней идеологии большевизма, коммунизма, атеизма и всего связанного с ними. И это было, впрочем, очень удобно для отрицания всего и вся... И все это было вполне естественно, ибо этот самый культ и эта неограниченная идеологическая диктатура «перемололи до костей» судьбы сотен тысяч и миллионов людей. В связи с этим же сама конкретная история России и ее отражение в литературе оказались «на обочине развития цивилизации человечества». И это тоже было вполне естественно, главным образом, по трем важнейшим причинам: 1) довольно многочисленные т.н. романы и повести, направленные на разоблачение всего прошлого, были не столько художественными произведениями в полном смысле этого слова, сколько дневниковыми записями «пострадавших». В результате этого на первый план выступили предмет изображения, факты конкретной действительности, а не художественное мастерство писателя; 2) это, в свою очередь, выявило тенденцию полного «отторжения» всей советской литературы, всех произведений, созданных на основе т.н. социалистического реализма; 3) что, кстати, вполне соответствовало и требованиям между-

народного литературного процесса: западноевропейское общество, особенно его «по- буржуазному демократическая» творческая интеллигенция, обычно с глубоким удовлетворением встречало и встречает все то, что как-то направлено против России, против ее идейных устоев. Так случилось и на этот раз!

Между тем сложнейшая эпоха грани веков (XX и XXI) и тысячелетий (II и III) накладывает свой, достаточно заметный отпечаток не только на социально-политическое бытие общества, но и на, и в не меньшей степени, духовное развитие различных слоев населения. Употребление последних выражений конкретизируется определениями: творческая интеллигенция и традиционное трудовые массы, которые сами, в свою очередь, переживают существенную трансформацию. Современную «постсоветскую» профессиональную литературу, скажем, никак не определить словами: литература социалистического реализма. Ибо она в настоящее время намного сложнее и разнообразнее. И развивается она достаточно успешно в нескольких направлениях, в то же время никак не отвергая положительных традиций, безусловных достижений литературы прежних эпох, в частности – и эпохи социалистического реализма, в рамках которого были созданы такие классические произведения татарской советской литературы, как романы «Честь» Г.Баширова, «Весенние ветры» К.Наджми, «Тридцатый год» Ф.Хусни и целый ряд других. Продолжая ту же мысль, с известными оговорками можно сказать, что в определенной степени в тех же рамках соцреализма созданы и такие талантливые произведения современной татарской прозы, как роман-диалогия З.Хусниря «Сукин сын» [1]; повесть М.Кабирова [2]; роман Р.Сибата «Возвращение» [3]; целый ряд детективных или полудетективных романов и повестей М.Маликовой, которая в последнее десятилетие, кажется, пишет

«легко» и «много» [4]. Выше уже отмечалось, что при подходе к произведениям современной татарской прозы требуются некие оговорки, что они не могут быть безусловно отнесены к т.н. эпохе или к литературно-художественному методу социалистического реализма: дело в том, что основная часть указанных и не названных здесь произведений как бы «выпирает», «выходит» за рамки требований советской эпохи. И это ярко выражается в их следующих, по существу, общих для них особенностях. Во-первых, обратим внимание на названия отдельных произведений или книг, куда включены романы, повести и рассказы: роман Ф.Сафина «Саташып аткан таң» – «Заблудившийся рассвет». Перевод названия романа на русский язык не то что неправилен, он просто грубо искажен: заблудиться может только то, что движется; притом движется где-то в неизвестности, на незнакомом месте. Татарское слово саташу на русский переводится как бредить. И невольно возникает вопрос: что объединяет слова заблудиться и бредить: бредит обычно тяжелобольной... А заблудиться может и абсолютно здоровый [5, р. 67]... Вообще к переводу названий своих произведений или книг на русский язык авторы-писатели или их редакторы-издатели относятся, говоря очень просто, безо всякого внимания! Татарское, и к слову – очень поэтичное, название сборника повестей и рассказов С.Зыялы «Ачылмаган бөр» в конце книги на русском языке дано как «Неумолимый рою». Трудно понять, что общего в лексическом плане между этими словосочетаниями [6]. Разве буквальный перевод «Нераскрывшийся бутон» звучит хуже?! На наш взгляд, отнюдь нет, даже наоборот: намного поэтичнее!.. Название сборника повестей и рассказов безусловно талантливой Н.Гиматдиновой «Парлы ялгыз» на русском языке дано «до нелепости просто»: «Одинокая» [7]. Да, в сборнике есть и повесть под тем же

названием «Парлы ялгыз», которая в буквальном переводе звучит как «Одинокая... с парой». Не очень поэтично? Да, разумеется! Однако соответствует оригиналу.

На названия отдельных произведений и сборников прозы здесь обращено внимание не только потому, что в переводах их на русский язык допущены некоторые ошибки и неточности, но и потому, что названия эти весьма значимы сами по себе. На самом деле: «Заблудшийся рассвет», «Сукин сын», «Неумолимый рок»... Можно сюда добавить «Лесные духи» Г.Гильманова, «Одинокая» Н.Гиматдиновой, «Угасшая луна» И.Хузина [8] и многие другие. И ни одно из этих достаточно многочисленных названий книг, сборников, отдельных произведений не вызывает у читателя *никаких положительных эмоций*. Все они – только настораживают, как бы заранее предупреждая, что в книге, романе или повести речь пойдет о чем-то очень напряженном, сложном и противоречивом; чаще всего – о чем-то *отрицательном*. И на самом деле, сюжет и содержание практически всех произведений современной прозы направлены на раскрытие тяжелых условий жизни народа, по существу – всех слоев населения.

В связи с этим же современный литературный процесс, говоря сугубо условно, «укладывается в некое творческое пространство», вбирающее в себя произведения самого различного характера и еще более различного литературно-художественного уровня. На одной окраине этого творческого пространства находится указанный выше роман Ф.Сафина, одно из самых талантливых, если не сказать: самое талантливое произведение последнего десятилетия – «Заблудшийся рассвет» [9]. Можно говорить и о том, что Ф.Сафин в этом романе, безусловно, продолжает лучшие традиции татарского советского романа; значит, в какой-то степени и социалисти-

ческого реализма. В то же время, однако, произведение это «не может быть уложено» в рамки соцреализма, ибо в нем представлено и резко отрицательное отношение как к Октябрьской революции, так и к ее последствиям, приведшим страну и народ к разорению и обнищанию – как материальному, так и духовному.

Если указанный роман Ф.Сафина стоит, выражаясь фигурально, на одной «окраине» современного литературного процесса, то на другой – повесть Н.Гиматдиновой «Олень» и «фантастическое повествование» («хьяялы кыйсса») Г.Гильманова «Албастылар». Отметим здесь же, что название последнего весьма неудачно переведено на русский язык как «Лесные духи». Между тем Албасты – очень сложный персонаж тюрко-татарской мифологии и место его обитания никак не ограничивается лесом [10]. В татарской же мифологии Албасты, по данным известного ученого-просветителя К.Насыри, в основном дух не столько лесной, сколько домашний [11, с.50-51]. Между тем писатель Г.Гильманов, который сам в продолжение многих лет занимался собиранием материалов по татарской мифологии и издал два солидных тома национальных мифов [12], прекрасно представляет героиню своего произведения, которые выступают как две злоеющие старухи-колдуньи, проклятые и изгнанные из родного аула Кампарле разозлившимися на них односельчанами. При этом Г.Гильманов также хорошо представляет, что значительная часть населения и в наше время не сомневается в силе колдовства и магии и по-настоящему побаивается колдунов, особенно – колдуний. Хотя автор определил свое произведение как фантастическое, современный читатель верит в повествование; верит и в то, что постепенно, под давлением современных условий жизни и сам Халим – главный герой произведения, отслуживший в армии решительный и смелый молодой

человек, «превращается в Албасты» – в Злого и по-своему всемогущего духа. Иначе он не смог бы «нормально жить» в современном, запутавшемся в своих противоречиях обществе. Так, Г. Гильманов в своем произведении «Албастылар» как бы улавливает и показывает, куда идет общество. А идет оно туда, где стираются грани между Этим – реальным миром, где «обитают» обычные люди; где живем и мы с вами, и Миром потусторонним – фантастическим, где господствуют всевозможные духи. Так, оказавшись между двумя, нередко – *множественным миром*, человек как бы бродит в темноте, в Первозданном хаосе, и чаще всего не находит выхода из создавшегося положения.

Свое, безусловно оригинальное место в развитии современной прозы занимает талантливое и яркое творчество Н. Гиматдиновой, которая одной из первых обратила внимание на необходимость отражения в современных художественных произведениях того, что «творится» в подсознании человека, что по существу значит – своеобразие мифопоэтического мышления. Именно об этом свидетельствует ее повесть «Олень», или вернее «Олениха». По-татарски повесть названа очень поэтично: «Болан». В татарском языке имя существительное не имеет рода. А в повести речь идет не об олене, а об оленихе, в связи с чем и название повести на русском языке должно быть «Олениха». Произведение от начала до конца – *сказочно-мифологическое*. Но воспринимается она не как сказка, тем более – не как миф, а вполне реалистическая, *в полном смысле слова современная* печально-трагическая повесть. И рассказывается в ней о драматической любви потомственного, смертельно больного охотника Рыскола к невероятно красивой, стройной, загадочно-таинственной девушке-оленихе *Акчяч*, что в переводе на русский значит Беловолосая; девушке, которая предстает *перед охотником*

как поразительно стройная Олениха; *перед влюбленным* в нее смертельно больным Рысколом как девушка изумительной красоты. По неотвратимой логике развития сюжета Рыскол не должен стрелять в нее, не должен ее убивать! Ибо он глубоко влюблен в нее! Долгое время этого и не происходит... Все повествование в повести – от ее начала до конца полно таинственных, не совсем понятных и объяснимых коллизий, связанных с Тэнгрианством; перед ее героями ставятся очень жесткие условия: чтобы избавиться от смертельной болезни, Рыскол должен раз и навсегда отказаться от своего любимого занятия – от охоты; он не должен убивать лесных животных. Ибо на Рыскола падает жестокое проклятие каждого убитого им животного. И здесь Рыскол спрашивает у своей возлюбленной оленихи-девушки Акчяч: если подстреленное им животное не будет на него обижаться и проклинать его? – Тогда не будет никакого вреда твоему здоровью, - отвечает таинственная Акчяч. – Болезнь не вернется к тебе... Но вряд ли ты в лесу найдешь животное, который, подстреленный тобой, не обижался бы на тебя. Таких животных не будет!.. Таким образом, получается, что перед потомственным охотником поставлены неразрешимо опасные условия: или он вообще откажется от своего любимого занятия, или тяжело заболеет и вскоре умрет! Как талантливый писатель, Н. Гиматдинова находит *глубоко трагическое, но единственно верное решение* проблемы: Олениха-Акчяч, пожертвовав собой, должна спасти от болезни и смерти своего возлюбленного Рыскола. Если она станет Оленихой и Рыскол застрелит ее, он выздоровеет. Ибо Олениха-Акчяч, в отличие от других животных, не будет проклинать его, потому что она его очень любит. Влюбленная девушка Акчяч просит Тэнгри превратить ее в Олениху: Акчяч, став Оленихой, появляется перед подвыпившими охотниками.

Разгорается спор: кто же должен застрелить Олениху... Стреляет Рыскол... и лишь по глазам Оленихи он узнает, что убил свою возлюбленную девушку Акчяч!.. В повести, таким образом, без сомнения, представлен сказочно-мифологический сюжет, приобретший сугубо современное и очень напряженное звучание!..

В связи с проблематикой данной статьи важно, что рассмотренные произведения: «Албастылар» Г.Гильманова и «Олениха» Н.Гиматдиновой по существу полностью основываются на ранних сугубо мифологических представлениях татарского народа. Их условно можно было бы отнести к «другой окраине современного пространства литературного процесса». В какой-то степени это будет и верно. Но опять же – только условно! Ибо произведения эти, как мы выше пытались обосновать, чрезвычайно яркие и, безусловно, талантливы. И, возможно, самое главное – они необычны, оригинальны! Как писатели, так и читатели, уставшие от нудных требований соцреализма в творчестве, от невыносимых условий каждодневной жизни современного общества, где господствуют и торжествуют ложь, обман, взяточничество, казнокрадство, коррупция, пытаются вырваться из этого общества, из невыносимо ненормальных условий жизни и убежать от всего этого. Но куда? В мир первобытной мифологии и сказки, в мир Албасты, Леших, Злых духов, лесных благородных животных и птиц! И что же?! Оказывается, что и здесь – в первобытной древности нет спасения для героев современности. И современная литература, особенно проза, адекватно воспринимает и воспроизводит современную действительность: и не только рассмотренные выше, но и многие другие произведения татарской прозы наших дней или от начала до конца состоят из повествования о трагических событиях, или, «в лучшем случае», завершаются глубокой драмой. Об этом

очень убедительно свидетельствуют романы Ф.Байрамовой «Сорок вершин», «Последний намаз» и особенно – «Карабулак» [13]. Последний роман – исторический и рассказывает об испытании атомной бомбы недалеко от татарского аула Караболак в Челябинской области. Ясно, что после такой глобальной катастрофы жители деревни начинают болеть и умирать. От большого аула, где жило 2500 человек, ко времени написания романа остается 500 – одна пятая... С точки зрения особенностей современной прозы, роман интересен тем, что, несмотря на освещение очень актуальной темы, он основывается на идеологии и мифологии Ислама, отраженной главным образом в Коране. В данном случае имеются в виду сюжеты о погибших народах [14], к которым, с художественной точки зрения, очень удачно и обращается писатель. Однако в Коране рассказывается о трагической гибели народов, которые отказались от пророков и от Самого Аллаха. С религиозной точки зрения это убедительно обосновывается. В романе же Ф.Байрамовой речь идет о гибели людей в мирное время – в результате взрыва атомной бомбы. И гибель эта – не единовременная, а растянувшаяся на многие годы и десятилетия.

Одним из трагических произведений современной прозы является повесть М.Галиева «Корни»; по-татарски она названа «Нигез». Предложенный здесь перевод является условным, хотя более всего подходит к идейному содержанию произведения. Адекватный же перевод слова *нигез* на русский язык – *фундамент* [15, с.312]... Возвращаясь к сути повести, следует сказать, что она рассказывает о разрушении, разорении и постепенном исчезновении одной из десятков и сотен татарских, впрочем – еще более многочисленных русских деревень с подобной же трагической судьбой. Если же внимательнее рассмотреть художественную специфику повести,

выясняется, что она может послужить прекрасной и адекватной иллюстрацией всего того, что происходит в современном литературном процессе. На самом деле: в эпоху господства идеологии соцреализма, да и гораздо позже, не было принято писать о каких бы то ни было отрицательных явлениях в советской действительности, хотя они в самой действительности были на самом деле, и все, тем более – писатели, видели и с горечью ежедневно наблюдали все это. В последние десятилетия, начиная с середины 80-х годов XX века, творческой интеллигенции «разрешено» адекватно отражать реальную жизнь народа. Результатом чего явилось появление целого ряда талантливых произведений. Разумеется, при повествовании обо всем этом, особенно о глубоких корнях культуры народа, невозможно обойтись без привлечения данных легенд, преданий, сказаний, особенно – мифологических представлений. Ибо корни народной культуры, да и всех видов и жанров искусства и многочисленных вполне современных произведений, восходят к образной системе первобытной мифологии, что как раз подтверждается и названной повестью М.Галиева: повествование-рассказ в ней ведется «устаами» старой *Ветлы-Өянке*, которая, посаженная на окраине аула, зорко «наблюдала» за всей историей его и за его печальным, остро драматическим постепенным разрушением и исчезновением. С годами и десятилетиями вместе с деревней с ее трагической судьбой «состарилась» и наблюдательная и остро переживающая все происходящее мудрая Ветла. И погибает она не сама собой, а из-за вредительства бессердечных деревенских мальчишек, что, впрочем, тоже соответствует духу эпохи.

Важно отметить, что в рассматриваемой повести нет воспроизведения каких-либо значимых событий, тем более – приключений. Повествование ведется ровно и спокойно. Привлекает

особое внимание лишь то, что непосредственное участие во всем происходящем принимает не автор повести, а только его «представитель», воплощенный в образе старой Ветлы. Тем самым как бы обосновывается важность обращения к данным национальной мифологии, которое обосновывается тремя серьезными аргументами: 1) все содержание повести связано с судьбой старой Ветлы; 2) она, в свою очередь, выступает как одушевленное сознательное существо, непосредственный участник всего происходящего в ауле; 3) и все это восходит к широко распространенному в международной мифологии культуры деревьев.

Проблема взаимосвязей татарской поэзии и прозы с фольклором была предметом специального исследования во второй половине 60-х годов XX века (работы Т.Галиуллина, Ф.Ахметовой). После этого в продолжение ряда десятилетий, вплоть до появления специальных исследований А.Садековой, проблема эта оставалась вне внимания фольклористов и литературоведов. Между тем и в письменной литературе, и в фольклоре, и в мифологии продолжалось их естественное, но весьма своеобразное развитие, на что и обратили внимание ученые, особенно молодые, в результате чего был написан ряд достаточно серьезных исследований А.Давлетшиной, Н.Ибрагимовым и др., был издан специальный сборник по современной татарской прозе, куда были включены произведения, созданные на основе мифологических представлений. Предисловие к сборнику написано А.Шамсутовой и называется «Мифотворчество в современной татарской прозе» [16, с.5-16]. Впрочем, в последнее время слово «мифотворчество» становится модным [17], но оно, на наш взгляд, не совсем верное. В наши дни никто не «творит» мифы и не может их «творить». Хотя наша эпоха с ее неисчислимыми катаклизмами и катастрофами как бы представляет собой «грандиозный первобыт-

ный миф» с безусловно запутанным, перевернутым сюжетом, в создании новых мифов нет необходимости. Да это и невозможно! Ибо все мифологические сюжеты, мотивы и герои их были созданы в первобытную эпоху, причем с исчерпывающим охватом всех сторон жизни. В наше время речь может идти лишь о творческом, притом – удачном или неудачном обращении к тем или иным атрибутам глубоко традиционной мифологии, что и наблюдается в современных прозаических повествованиях. Конкретные материалы свидетельствуют, что после объявления известной свободы слова, печати и всевозможных собраний основное внимание как самих масс народа, так и творческой интеллигенции было обращено на выяснение своих истоков, своих корней. А корни всего культурного наследия народа, как отмечалось, восходят к древнему фольклору и первобытной мифологии, собрание, изучение и публикация данных по которым в советское время, мягко говоря, не одобрялись. И в литературные произведения подобные материалы просто «не попадали». Между тем с конца 80-х годов XX в. выяснилось, что в памяти татарского народа издавна хранилось немало количество сюжетов, мотивов, образов героев и художественно-выразительных символов, относящихся к самым различным периодам жизни, бытию народа. И они, условно говоря, бурным потоком ворвались в художественное творчество писателей-прозаиков и значительно обогатили его палитру. Начиная с конца XX – особенно с начала XXI века, появляется целый ряд произведений, «обильно оснащенных» данными национальных древних фольклора и мифологии. Самым удобным для писателей в этом случае было – идти традиционным, по-своему проторенным путем, просто пересказывая или цитируя фольклорно-мифологические произведения, что делали некоторые писатели, особенно авторы исторических

романов и повестей, обращаясь к раннесредневековому фольклору, легендам, преданиям, особенно к эпическим сказаниям. В качестве примера можно сослаться на исторические романы Р.Батуллы «Сююмбике», М.Хабибуллина «Сююмбике ханбике и Иван Грозный» [18]. Жанровая особенность первого из указанных произведений определена как кыйсса, что само по себе требует такого мастерства повествования, которое свойственно для средневековых народных певцов-импровизаторов-чичянов. И автор романа в этом плане достиг существенных успехов, особенно во второй части произведения, где привлекаются многочисленные, нередко таинственно-мистические легенды, из-за чего главные герои его романа-кыйсса приобретают и известные черты несколько «романтизированных» мифологических героев... Хотя М.Хабибуллин в указанном романе иногда обращается и к легендарно-мифологическим сюжетам и мотивам (вспомним эпизоды, связанные с вызвавшей немало дискуссий зловещей родинкой Сююмбике; те, кто видел эту родинку, непременно трагически погибали!..), в его исторических романах отдается предпочтение строгой исторической достоверности, нередко – документальной!

На фоне всех названных или как-то рассмотренных выше произведений современной татарской прозы резко выделяются исторические романы В.Имамова «Огненная степь» (1995-1998); «Соленая рана» (2001-2003) и особенно – «Казанская крепость» (2004) [19]. Попутно отметим, что в переводах названий и этих произведений допущены некоторые, не совсем удачные вольности. «Казан дастаны» почему-то переведено как «Казанская крепость». Между тем гораздо красивее, поэтичнее и адекватнее было бы «Сказание о Казани». Не совсем «изящно» звучит и словосочетание «Соленая рана»...

В отличие от рассмотренных выше произведений, в исторических романах

В.Имамова, по существу – во всех, представлен своеобразный, иногда удачный пересказ, по-видимому, всех известных автору легенд, преданий и сказаний, и не только татарских, иногда и монгольских и русских, имеющих то или иное отношение к истории г.Булгар и Волжско-Камской Булгарии, Казани и Казанского ханства и Золотой Орды [20].

Такой путь обращения к произведениям фольклора, иногда – и к сугубо мифологическим, встречался и ранее, хотя и не в таком изобилии. Как его оценить, особенно когда речь идет о только что названных романах? К тому же, если перед нами представлен и совершенно другой путь гораздо более тонкого, более глубокого и «изошренного», в самом положительном смысле этого слова, подхода и творческого, очень удачного использования легендарно-сказочно-мифологических представлений народа. Это мы видели при анализе повести Н.Гиматдиновой «Олениха»; романа-кыйсса Г.Гильманова «Албастылар», повести М.Галиева «Корни». Дополнительно это можно проиллюстрировать повестью Н.Ахмадиева «Амбирак или сказание о черной березе» [21], где все содержание и трагические судьбы героев определяются «присутствием» таинственно-опасной *черной березы*, которая и в природе-то встречается чрезвычайно редко.

В связи со всем сказанным можно заключить, что постепенно среди талантливых писателей и поэтов возникает и в нашу эпоху формируется мнение о том, что время обычного пересказа содержания фольклорных и мифологических сюжетов и мотивов прошло, ибо это не самый плодотворный и оригинальный путь обращения к сокровищницам народной мудрости, которые «спрятаны» и хранятся где-то намного глубже! Для того, чтобы как-то достичь этой самой «глубины», необходимо было изучить духовную жизнь народа, особенно в сельской местности. В наши дни невоз-

можно говорить о живом бытовании эпических сказаний, народных сказок, исторических песен и некоторых других глубоко традиционных жанров фольклора. В памяти народа до наших дней могут сохраниться лишь *наиболее консервативные, устойчивые повествования*, связанные с кое-где бытующими обрядами и мифологическими представлениями. Это значит, что народ хранит в своей душе и памяти лишь наиболее глубокие и изначальные «корни былых сокровищ», с чем и связаны как характер фиксируемых во время фольклорных экспедиций материалов, так и специфика фольклорно-литературных взаимосвязей современности. То есть писатели тоже обращаются к наиболее устойчивым фольклорно-мифологическим данным, в результате использования которых появляется группа произведений, которые составляют особое направление развития литературы, главным образом – современной прозы. Для писателей это так или иначе было естественно. Ибо сама каждодневная жизнь оказалась неестественно сложной и запутанной: такое изначальное и извечно святое понятие, как вера, во всех его смыслах вообще исчезло. Быть может, она – эта *вера* – где-то все-таки сохранилась? Вот этот смутный вопрос и неопределенная надежда заставили некоторых писателей броситься в другую крайность. В качестве примера можно сослаться на отдельные произведения издестной писательницы Ф.Байрамовой. При этом имея в виду, что некоторые романы и повести ее сплошь и рядом проникнуты идеологией Ислама, когда к месту и не к месту поминается имя благородного Аллаха и Его пророков; особенно – пророка Мухаммеда; когда тоже к месту и не к месту приводятся сугубо мусульманские, не всем и не во всем понятные или вообще непонятные для неверующего, тем более атеиста, аяты Корана или молитвы-дога-дуа. Независимо от мастерства писателя, чрез-

мерное и не совсем понятное даже самому автору-писателю увлечение данными идеологии и мифологии Ислама не всегда служит повышению художественного уровня произведения. В данном случае имеется в виду названный выше роман писателя «Карабулак», где автор сотни и тысячи раз обращается к имени Аллаха, почему-то упустив, что нельзя этого делать! Оно, это святое имя Аллаха, чрезвычайно дорого для всех мусульман, а в наше время – даже для очень многих немусульман, и в этом надо быть чрезвычайно осторожным и предусмотрительным. Как бы и что бы ни говорило поколение ныне 60- и 70-летних, все очень хорошо помнят, что поколение это воспитывалось в жесточайших условиях непрерывного давления *воинствующего атеизма!* Следовательно, и этот атеизм придется «выдавливаться» из души и сердца каж-

дого из нас каплями и в продолжение многих лет и даже десятилетий! И то лишь в том случае, если к этому же стремится и сам человек. И здесь же возникает еще один очень трудный вопрос: а много ли в среде современной молодежи представителей, стремящихся к настоящей вере в Аллаха или Иисуса Христа. Строго говоря, их очень мало!

Приведенные и многочисленные не упомянутые здесь материалы свидетельствуют, таким образом, о том, что взаимосвязи фольклора и мифологии с современной прозой чрезвычайно сложны и противоречивы. В связи с этим проблема становится очень увлекательной и для научного изучения. Представленная же здесь статья является своеобразным *введением* в проблему для определения дальнейших путей и методов ее исследования.

Литература

1. *Хөснийяр З.* Этән туган: Роман-дилогия. Повесть. Хикәяләр. – Казан, 2005.
2. *Кәбиров М.* Мәхәббәт яңгыры: Повестьлар. – Казан, 2006.
3. *Сибат Р.* Кайту. – Казан, 2005.
4. *Маликова И.* Югалган якутлар: Повестьлар, пьесалар. – Казан, 2004; Маликова И. Кызыл гөл: Романнар. – Казан, 2005.
5. См.: Русско-татарский словарь. – Т.1. – Казань, 1955.
6. *Зыялы С.* Ачылмаган бүре: Повестьлар һәм хикәяләр. – Казан, 2006.
7. *Гыймәтдинова Н.* Парлы ялгыз: Повестьлар, хикәяләр. – Казан, 2003.
8. *Хужин М.* Айның уты сүнгән...: Хикәяләр. – Казан, 2004.
9. *Сафин Ф.* Саташып аткан таң: Роман-трилогия. – Казан, 2003.
10. *Басилов В.Н.* Албасты // Мифы народов мира. – Т.1. – М., 1987. – С.58.
11. *Насыйри К.* Сайланма әсәрләр: Ике томда. – Т.2. – Казан, 1975.
12. Татар мифлары: Г.Гыйльманов хикәяләвендә. – 1 кит. – Казан, 1996; 2 кит. – Казан, 1999.
13. *Бәйрәмова Ф.* Кырык сырт: Романнар. – Казан, 2005.
14. *Харун Яхъя.* Погибшие народы. – М., 2002.
15. Русско-татарский словарь. – Т.4. – Казань, 1959.
16. *Шамсутова А.* Хәзерге татар прозасында миф тудыру // Хәзерге татар прозасы. – Икенче жыентык. – Казан, 2005.
17. См.: Романович С.М. От авангарда к мифотворчеству. Государственная Третьяковская галерея: Материалы науч. конф., 25-26 марта 2003 г. – М., 2006.
18. *Батулла Р.* Сөембикә. Кыйсса. – Казан, 1992; Хәбибуллин М. Сөембикә ханкбикә һәм Иван Грозный: Тарихи роман. – Казан, 1996.
19. *Имамов В.* Утлы дала: Тарихи роман. – Казан, 2001; Имамов В. Тозлы яра: Роман. – Казан, 2004; Имамов В. Казан дастаны: Тарихи роман. – Казан, 2005.

20. Татар халык ижаты: Риваятьләр һәм легендалар. – Казан, 1987; Козин С.А. Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 года. – М.; Л., 1941.
21. Әхмәдиев Н. Амбирак: Повестьлар һәм хикәяләр. – Казан, 2003.

Summary

The article is devoted to the observation of peculiarities in the development of contemporary Tatar prose; specific features of prose-writers appealing to the traditions of Tatar popular art, chiefly, to ancient folklore and early national mythology which contributes to creating original works with specific plot and characters.